Мордовские сказки

Седун

Жил-был крестьянин. Было у него три сына: старший - Василей, средний - Пёдор и младший - Иван. Был Иван седуном, с печи не слезал, всё сидит там, бывало, да глину колупает. А два других брата - те не глупые, толковые. Вот заболел как-то отец, совсем ослабел. Позвал сыновей, говорит:
- Ну, сыновья мои, видно, помирать мне пришла пора, не поправлюсь уже. Похороните меня, а потом три ночи навещайте могилу. В первую ночь пусть Василей придёт, во вторую - Пёдор, а после и ты приходи, Седун.
Так простился отец с сыновьями, да тут же и отошёл. Похоронили они его честь по чести.
Наступил вечер, пора идти на могилу старшему сыну.
Василей и говорит:
- Не сходишь ли ты, Седун, на могилу отца вместо меня? Я куплю тебе за то красную рубаху.
- Ладно, схожу,- согласился Седун. Давно он заглядывался на красную рубаху. Собрался не мешкая и пошёл.
Проспал ночку на могиле отца Седун, а утром отец подарил ему красного красавца коня. Доволен Седун. Отвёл скорей коня к ручью, сам же как ни в чём не бывало пошёл домой.
Вот вторая ночь приближается, надо идти на кладбище среднему брату - Пёдору. Вечером просит Пёдор Седуна:
- Не сходишь ли ты, Иван, вместо меня на могилу? Я справлю тебе за это пару сапог.
- Схожу,- опять согласился Седун. И на что ему вроде сапоги? Никуда ведь не ходит. Да, видно, надо и ему покрасоваться - пошёл.
Проспал Седун вторую ночь на могиле отца, утром получил в подарок серого коня. Седун рад, отвёл и этого коня к ручью.
Когда приблизилась третья ночь и настал черёд самого Седуна идти на кладбище, он подумал, что теперь уж никто ему за это не заплатит. Поплёлся, однако, проспал на могиле отца и третью ночь.
Утром отец подарил младшему сыну вороного коня. Отвёл Седун и воронка к тому же ручью.
А той стороной правил царь, и было у царя три дочери: Марья, Василиса и Марпида. И пришла им пора выбирать себе женихов. Царь дал девицам по шёлковому платку: одной красивый-прекрасивый платок, другой ещё краше, а младшей, Марпиде-царевне, самый красивый, весь огнём горит.
Утром вывесила на балкон свой платок старшая дочь.
- Кто достанет платок, - объявили по всему царству,- тому и быть женихом!
Услыхал это народ - со всех сторон ко дворцу потянулся. Братья Седуна тоже засобирались.
«Может, и нам счастье улыбнётся!» - думают про себя.
Увидел их сборы Седун, запросился:
- Братья, не возьмёте ли и меня с собой? Те только смеются:
- Куда тебе, дураку! Сидел бы уж на печи. Запрягли они в сани старую отцовскую клячу и поехали.
А Седун пошёл к ручью, кликнул там красного коня и влез ему в ухо.
В одном ухе попарился-помылся, в другом - оделся-обулся и вышел такой красивый да сильный - молодец молодцом!
Вскочил молодец на коня и вскоре догнал своих братьев - они на кляче-то недалеко и уехали. Догнал и, не останавливаясь, только наклонившись, ударил на скаку по уху одного брата, ударил другого и просвистел мимо. Повалились братья на колени.
- Свят, свят,- говорят,- никак, Илья-пророк промчался!
А Седун промчался к цареву дворцу, выше балкона подпрыгнул, но платок оставил, не взял.
Дивится народ:
- Вот ведь может, а не берёт!

Наверно, какой-нибудь счастливец и достал потом этот платок, но Седун не видел. На обратном пути он ещё раз повстречал своих братьев, опять дал по уху одному и другому. Повалились братья на колени.
- Свят, свят,- говорят,- и верно Илья-пророк, как застращал!
Когда братья домой воротились, Седун на печи лежал - он давно уж прискакал, коня к ручью отпустил, а сам на своё место влез.
- Ну, братцы, что видели-слышали? - спрашивает.
- Ничего не видели, - говорят. - Кто-то снял уж платок, не про нас он, видно... Только Илья-пророк по дороге проскакал мимо, застращал нас сильно.
- А я так никакого грома не слышал. Сидели бы и вы дома - лучше было бы, - говорит Седун. На другой день средняя дочь вывесила платок. Братья опять собрались - может, на этот раз повезёт.
Попросился было Седун:
- Возьмите и меня!
Да они только рассмеялись:
- Молчи уж, дурак, куда ты пойдёшь! Лежи себе на печи.
Запрягли свою клячу и поехали.
Слез Седун с печи, пошёл к ручью, кликнул другого коня, серого. В одно ухо влез - помылся-попарился, в другом оделся-обулся, опять сильным да красивым молодцом явился. Вскочил на серого коня и поскакал. Как догнал братьев, опять, не слезая с седла, одному дал раз, другому, повалились они на колени.
- Свят, свят! - крестятся. - Илья-пророк промчался, совсем застращал нас!
А Седун подъехал к балкону, подпрыгнул и опять, как в прошлый раз, не взял платок, только глянул.
Подивились люди:
- Вот ведь каков: мог взять платок, а не снял! Поскакал Седун обратно. Глядит: братья его всё ещё к цареву дворцу едут. Опять почтил их Седун затрещинами, повалились они на колени, шепчут:
- Свят, свят! Да ведь в самом деле Илья-пророк!
Скоро ли, не скоро, воротились братья домой. Седун спрашивает с печки:
- Ну, братья, достался ли сегодня платок?
- Не достался нам, кто-то снял уже, - отвечают братья.- Только Илья-пророк скакал мимо, опять нас стращал...
- А я так ничего не слышал, - говорит Седун. - Сидели бы оба дома, никаких страстей не видали бы.
На третий день младшая из сестёр Марпида-царевна вывесила платок. Народ собрался со всего царства - кто только не хотел достать тот платок! Завидно братьям, говорят:
- Сходим и мы, может, достанется напоследок. Седун тоже не смолчал на печи:
- Сегодня и я не останусь дома, поеду с вами! Потом вышел и первый сел в сани. Посмеялись братья, поругали и отговаривать принялись - не вылез Седун из саней.
- Ну, будь по-твоему, - согласились наконец. Довезли Седуна до ручья и вытолкнули его из саней. Вытолкнули и, посмеявшись, уехали, а Седун остался.
- И то хорошо, что до ручья довезли, самому не тащиться, - улыбнулся вслед Седун.
Кликнул третьего - вороного коня, в одно ухо влез - попарился-помылся, в другом - оделся-обулся, такой молодец стал, статный да красивый. Вскочил на коня и помчался. Ох и досталось от него братьям! Оглянулся, отъехав,- они всё ещё на коленях стоят, подняться не смеют...
- Свят, свят! - шепчут, - Илья-пророк проскакал, страху нагнал...
Подъехал Седун ко дворцу, разогнал коня, тот прыгнул выше крыши, и только когда опускался,

снял Седун платок у Марпиды-царевны.
- Ой, ловите, ловите! - кричат люди. - Кто это? Кто такой?
А как его изловишь, если он верхом пошёл, над головами?
На обратном пути вновь встретил Седун братьев - те все ещё ко дворцу ехали - и опять хорошенько отколотил их. Повалились те на колени.
- Свят, свят! - крестятся. - Опять Илья-пророк страху на нас нагоняет...
Приехали они домой, а Седун уже на печи.
- Завтра, Седун, и ты с нами поедешь, - говорят.
- Ну, - удивился Седун,- неужто и меня приглашают?
- Завтра все должны быть, даже безногие и слепые, со всего царства. Царские дочери будут искать в толпе своих женихов.
- Ладно, поеду, - согласился Седун, - если только не станете выкидывать меня из саней. А платок не достали?
- Не достали, - отвечают. - Только Илья-пророк вновь такого страху на нас нагнал, о каком мы и слыхом не слыхивали.
- А сидели бы дома, как я, лучше бы дело было.
Улеглись братья спать с вечера, а на рассвете проснулся один и глазам не верит:
- Что такое? Горим, что ли? Не пожар ли в избе?
А это кончик красного платка высунулся во сне из-за пазухи Седуна.
- Брат, брат, - стал будить другого, - никак, Седун избу поджёг, огонь на печи вон!
Услышал это Седун, спрятал кончик платка под рубаху, огня-то и не видать стало. Повскакивали братья, а никакого пожару нет.
Как совсем рассвело, запрягли братья клячу, кликнули с собой Седуна к царевым хоромам.
Глядят, а люди со всех сторон идут и едут - кто может и кто нет, слепой и безногий, бедный и богатый. К полудню все собрались, никого по домам не осталось. Седун тоже со всеми торопится.
- Этого-то зачем привели? - смеются кругом.- Ведь он - сразу видно - не жених.
- Нет, - отвечает царь людям, - все должны быть сегодня здесь!
Когда народ собрался, царь поднёс старшей дочери кубок вина, велел обойти с ним всех людей:
- У кого увидишь свой платок, тому поднеси вино, а потом сядь на его колени - он и будет твоим женихом.
Только пошла старшая дочь обходить гостей, тут же и увидела свой платок - кто достал, тот ведь прятать не будет.
- Батюшка, - говорит девушка, - нашла я своего жениха!
Угостила она суженого вином и села на его колени.
Подал отец кубок вина второй, средней дочери:
- Теперь ты обойди гостей, найди, угости своего суженого и сядь к нему на колени.
Наконец настал черед обходить гостей Марпиде-царевне. Подал ей царь кубок вина, наставил, как прежде её сестёр. Стала Марпида-царевна обходить ряды гостей, а платок-то её немного - самый уголок - высунулся из-за пазухи Седуна. Глянула на суженого Марпида, так сердце у неё и упало. Прошла она мимо Седуна, будто ничего и не заметила, и ни с чем вернулась к отцу.
- Не сыскала я, батюшка, платка, - говорит.
- Обойди в другой раз, - отвечает царь. - Всё равно где-нибудь свой платок увидишь. Здесь он должен быть, в стороне людей не осталось!
Царевна опять обошла всех и мимо Седуна прошла, только опять будто и не заметила платка, хотя он теперь наполовину высунулся. Принесла она кубок вина, поставила на стол.
- Не нашла, - говорит, - батюшка, платка. Даже и знать не знаю, где бы он мог быть... Нахмурился

царь.
- Так и не сыскала? - опрашивает. - Или плох на вид жених, стыдишься, должно? Пойди да гляди лучше.
На этот раз не стала царевна обходить гостей, пошла прямо к Седуну, угостила вином, вытерла ему платком под носом и села рядом. Увидели это люди, что рядом-то села, хихикать стали.
- Нашла? - спросил царь, услышав смешки.
- Нашла, батюшка, - проговорила Марпида-царевна, а сама и голову от стыда не поднимает. Тут увидел царь её суженого, огорчился.
- Тьфу! - говорит.- Ну и сыскала себе жениха, мне зятя...
Да что делать - не откажешься от царского слова. Отправил их царь в какой-то хлев, в котором то ли свиней, то ли коров прежде держали. Без пира и почестей отправил.
- Уходите, - говорит, - с моих глаз!.. А с двумя другими зятьями пировать остался. И мы там были-ели-пили...
Вот зашёл я как-то к царю и рассказал, что, мол, далеко-далеко водится златорогий олень. В поле пасётся, бегает быстро, да если кто поймает, тот уж, конечно, самого первого места в царстве...
Понял царь, к чему всё это рассказано, говорит зятьям:
- Покажите-ка своё уменье - изловите того оленя и приведите сюда.
Ну, засобирались зятья, взяли верёвки, кожаные вожжи и отправились в степь. А Седун говорит жене:
- Выйди к отцу, попроси водовозную клячу, я тоже хочу оленя ловить, я тоже царский зять.
Царевна Марпида пошла к отцу просить клячу для Седуна.
- Какую ещё клячу нужно этому Седуну? - отмахнулся царь.- Пусть лучше сидит дома, не смешит людей.
А Марпида-царевна опять просит отца:
- Жалко, что ли, клячу-то? Дай ему. Тут уж и матушка-царица слово замолвила за свою дочь.
Отдал царь водовозную кобылу. Худая та была - кожа да кости. Приполз Седун и сел на неё не как все, а задом наперёд. Конец хвоста в зубы взял, ладонями по бокам хлопает - едет!
- Смотрите, смотрите! - кричат кругом люди. - Седун-то, третий царев зять, тоже поехал оленя ловить!
- Задом наперёд уселся! Не иначе как он и изловит златорогого оленя!
А Седун знай себе едет да едет, будто и не слышит эти насмешки. Добрался до своего ручья, схватил за хвост кобылу да как встряхнул - туша разом отлетела, а в руках только шкура осталась!
Повесил он эту шкуру на изгородь и кликнул своего коня. Прискакал первый, гнедой. Вошёл Седун в одно ухо, помылся-попарился, в другом оделся-обулся и таким молодцом опять стал - заглядишься! Вскочил на коня, догнал свояков, одного ударил по уху, другого и полетел дальше.
А те повалились на колени, крестятся:
- Свят, свят! Илья-пророк страху нагоняет. А Седун тем временем изловил в поле златорогого оленя, обратно едет. Увидели Седуна свояки, удивились:
- Ты уже обратно едешь, оленя везёшь, а мы только на охоту собираемся!
- Поздно, - говорит Седун, - я уже изловил златорогого.
Принялись свояки уговаривать Седуна, чтобы он продал им этого оленя.
- Ну, ладно,- ответил Седун.- Только плата за него особая. Отрежьте с ноги по большому пальцу и дайте мне, иначе не получите оленя.
Подумали свояки, да как иначе быть? Отрезали по большому пальцу с ноги, отдали молодцу.
Отдал им Седун златорогого оленя и умчался.
Приехали, привезли зятья оленя царю, любо тому стало, ещё радушней их угощает.

- Вот зятья какую добычу привезли, - хвалит. - Этакого зверя поймать сумели! Седун вон тоже на охоту отправился, да всё нет его. Не видали ли где?
- Не видали,- говорят зятья и опять наперебой рассказывают, как ловили златорогого красавца.
Немало прошло времени, пока Седун вернулся. До ручья скоро доскакал, да от ручья плестись пришлось долго. Да ещё на лошадиной туше поймал с десяток ворон-сорок и потащил царю.
- Нате, - говорит, - тесть-тёща, добычу вам принёс!
- Тьфу! - только и сказал царь и приказал слугам выбросить птиц куда-нибудь подальше.
Вот хохоту-то было!
Приковылял Седун в хлев, на кухоньку теперешнюю, к суженой своей - к столу даже не пригласили...
Пошёл я опять к царю и рассказал, что где-то в дальнем краю, слышно, водится свинка - золотая щетинка. Выслушал царь, говорит:
- Ну, зятья, поймайте мне ту свинку - золотую щетинку. Привезёте её - любимыми зятьями будете.
Ноги хоть и болят у зятьев после недавней охоты на златорогого оленя, да царю не откажешь. К тому же и любимыми зятьями хочется быть.
- Ладно,- говорят,- поймаем.
Взяли сыромятные вожжи и поехали.
А Седун опять свою Марпиду к царю-батюшке посылает:
- Сходи, Марпида-царевна, попроси у отца другую клячу, я тоже поеду за свинкой - золотой щетинкой. Зять ведь я ему!
Пошла Марпида-царевна к отцу, стала просить клячу, а отец стоит на своём:
- Не дам! Хватит того, что один раз уже осрамил перед всем честным народом.
Тут царица-матушка опять за дочку заступилась, жалко, видать, стало царевну, ну, вдвоём и уговорили царя.
Сел Седун на клячу боком и поехал себе потихонечку.
- Глядите, глядите,- кричат и хохочут кругом,- Седун опять на охоту отправился!
- Да сидит как, уж научился! Глядишь, и поймает свинку.
А Седун будто и не видит, не слышит ничего, едет да едет. Доехал до ручья, схватил кобылу за хвост, дёрнул - туша отлетела, а шкуру повесил на изгородь. Кликнул своего второго, серого коня, опять вошёл в одно ухо - попарился-помылся, в другом оделся-обулся, вновь стал статным да красивым. Вскочил на коня, догнал свояков, дал каждому по уху. Повалились они на колени, глядят вслед, бормочут:
- Свят, свят! Опять Илья-пророк страху нагоняет.
Поймал Седун свинку - золотую щетинку, на обратном пути встречает свояков.
- Да ты, кажись, уже с охоты возвращаешься, добрый молодец, а мы всё-то на лов едем! Не продашь ли нам свинку? - спрашивают Седуна.
- Продам,- отвечает молодец.
- А дорого ли возьмёшь?
- А снимете со своих спин кожи с ремень шириной, так ваша свинка будет.
Призадумались было свояки, да куда деваться - согласились: сняли один у другого по полоске кожи и отдали молодцу. Отдал им за то Седун золотую щетинку и ускакал.
Привезли зятья во дворец небывалую свинку-золотую щетинку, царь пуще прежнего доволен: выхваляется перед гостями, поит всех, любимых зятьев угощает!
Сидят так, пируют все, Седуна, конечно, и не ждёт никто, тут он и возвращается - втрое больше прежнего принёс ворон да сорок! Узнал про то царь, нахмурился:
- Опять Седун срамит нас!..

Теперь Седуна не допустили к пирующим, хотя он даже тёще гостинец принёс. Повернулся и заковылял в хлев к своей Марпиде...
На этом пиру опять подошли к царю, стали рассказывать, что, мол, далеко-далеко пасётся-гуляет тридцатисаженная кобылица с тридцатью жеребятами...
Даже в лице изменился царь, услыхав про ту кобылицу. Призвал зятьев, говорит: «Изловить надо её и жеребят и пригнать ко дворцу!» Согласились зятья, а сами хоть и мнят о себе много, а и ходить уже не могут, прихрамывают. Собрались, однако, поехали.
Узнал про то Седун, опять уговорил Марпиду пойти к отцу просить третью клячу - хочется,. видно, вместе со свояками изловить ту кобылицу. Пошла Марпида к отцу. И не хотел он отдавать Седуну клячу, да царица-матушка заступилась за дочь, сама приказала кому надо про ту клячу.
Сел Седун на этот раз на лошадь как надо, сидит прямехонько да ещё и погоняет, чтобы рысью шла.
Увидели его люди, смеяться-то ещё смеются, да поговаривают:
- Смотрите-ка, научился-таки ездить... Ну, добрался Седун до ручья, схватил кобылицу за хвост, тряхнул её посильнее. Туша так прочь и отлетела, а шкуру он удержал, повесил на изгородь. Затем крикнул третьего коня, вороного. Прискакал конь. Залез Седун в одно ухо - помылся-попарился, в другом оделся-обулся и стал статным и красивым молодцем. Говорит ему вороной конь:
- Возьми, хозяин, с собой три ведра смолы, три сита тонких иголок да ещё прихвати с изгороди три конские шкуры. Без этого не поймать тридцатисаженную кобылицу, которая там пасётся в поле со своими жеребятами. Как приедем, увидишь - стоит на том поле дуб. Ты полезай на дерево, а меня покрой конской шкурой, облей смолой и обсыпь иголками из сита, затем сделай всё в точности ещё два раза. Сделаешь всё, сиди на дереве и глаз не своди с кобылицы. Как только заметишь, что кобылица умаялась, опустилась на колени, прыгай с дерева и надевай на неё уздечку. Тогда она покорной станет, пойдёт за тобой, куда прикажешь, а жеребята сами побегут следом.
Взял Седун всё, что велел ему конь, и отправился в путь. Свояков, конечно, опять обогнал на полдороге, и опять попало им от него. Повалились те на колени: «Свят-свят!» - бормочут, а Иван летит себе, не останавливается.
Доскакал до поля, где дуб стоит, подъехал к дубу, глядит, кобылица и впрямь пасётся у речки. Седун скорее покрыл своего вороного конской шкурой с изгороди, облил ведром смолы и осыпал иголками из сита. Затем накинул вторую и третью шкуры, проделал все, что полагалось, а сам залез на дуб.
А тридцатисаженная кобылица увидела тем временем вороного коня, кинулась к нему, да как укусит! Если бы не шкуры, смола и иголки, тут бы и конец ему. Да только старая шкура в рот кобылице попала. Воронко лягается, бьёт кобылицу по бокам, а у той рот шерсти, смолы да иголок полон, кусаться она больше не может! Всё-таки изловчилась, избавилась от этой смолы. Укусила ещё раз, да поболе шкуры захватила, потом в третий раз укусила вороного, весь рот себе шкурой, смолой да иголками забила!
А вороной знай себе отбивается от неё, лягает. Пала она наконец на колени. Тут Иван спрыгнул с дуба и взнуздал её. Покорилась она и пошла за новым хозяином. Ну а жеребята - куда им от матери? - бегут следом...
Едет Седун обратно молодец молодцом, глядит - навстречу ему свояки поспешают:
- Да ты, оказывается, уже поймал кобылицу, а мы всё ещё ловить едем!
- Поймал уж, вот она, - отвечает Седун.
- А не продашь ли нам? - спрашивают.
- А что дадите? - спросил Седун. Свояки мнутся, ничего не могут придумать. А Седун знает:

пальцы с ног брал, кожу со спин брал. Не снимать же головы! Не дождался Иван ответа, поехал, оставив свояков на дороге.
Всегда Иван возвращался в свою хлевушку незаметно, а тут глядит - народ на улице собрался, ждёт. Да и как не заметить, ведь целый табун жеребят у молодца, кобылица тридцатисаженная да ещё его конь вороной! Пыль столбом поднимается. Кто-то вперед побежал конюшню открывать да помочь коней загнать. Радуется и царь:
- Оленя златорогого зятья поймали, свинку - золотую щетинку поймали, теперь вот и кобылу тридцатисаженную пригнали с жеребятами!
Про Седуна царь и не вспоминает, разве что гости помянут его:
- Ничего, и он скоро принесёт свою добычу - ворон да сорок.
Ну, стоят все возле конюшни, ждут. Выбежала и Марпида-царевна, тоже отперла свой хлев. Дверь у неё на деревянной петле скрипнула сильно. Заметил царь, рассмеялся:
- Ждёт, что ли, тоже кого Седуниха? Глянь, а кони идут не в конюшню к зятьям, а в хлев Седуна!
Удивляются люди: «Седун, что ли, поймал кобылицу-то с тридцатью жеребятами?» Зашёл, правда, в хлев молодец, статный, красивый,- все заметили, да разве признал бы кто в нём Седуна. А молодец вошёл в хлев и говорит Марпиде-царевне:
- Ну, сходи-ка, жена, растопи баню - дальняя была дорога, запылился.
Истопили баню, собрался он мыться.
- Сходи, - говорит, - Марпида, позови отца. Пошла Марпида-царевна к отцу, говорит:
- Приглашает тебя зять в баню. А тот отказывается:
- Велика честь с Седуном в бане мыться - он и так осрамил меня довольно!
А Седун пришёл в баню, подвесил на притолоку пальцы с ног да кожаные ремни со спин свояков - плату их за златорогого оленя да за свинку-золотую щетинку - и стал мыться. Царь же сидел-сидел с гостями да пошёл-таки в баню - мыться не мыться, а выманить у Седуна тридцатисаженную кобылицу с жеребятами. Как-никак к себе он её в хлев загнал... Только заходит царь в баню, а ремни да пальцы его любимых зятьёв стук да шлёп его по лбу.
- Чего это ты тут развесил? - спрашивает царь.
- А это,- отвечает Седун,- ремни со спин твоих зятьёв да пальцы с их ног - плата мне за златорогого оленя да свинку - золотую щетинку.
Не стал мыться царь, воротился во дворец. А тут и зятья пожаловали с охоты. Неразговорчивые вернулись оба, молчаливые, без добычи.
- А ну-ка, - говорит царь, - разувайтесь, покажите ноги!
Нечего делать, разулись зятья. Глядит царь, а больших пальцев на ногах ни у того, ни у другого нет!
- А теперь,- приказывает царь,- снимите рубахи.
Сняли зятья и рубахи. А там гостей, народу на пиру! Так и покатились все от хохота. Все ведь ждали кобылицу тридцатисаженную - и гости, и слуги, и крестьяне. Смотрят на царевых зятьёв-охотников, за животы от смеха схватились. А зятья разутые и раздетые стоят перед всеми, опустив головы, - стыдно им.
- Я вам не то что царство своё, а и кухню не отдам! - говорит царь.
И прогнал он их со двора с их жёнами, со своими пожитками и слугами:
- Чтобы и духу вашего в моем царстве не было!
Прогнал, а сам тут же отправился в баню.
А Иван уже помылся в бане и, конечно, не Седуном вышел оттуда. Помылся-попарился и молодцем стал статным да сильным! Вернулись они с царём во дворец и семь раз столько же, сколько прежде было, славно пировали-столовались с гостями. Ну, затем, конечно, Иван стал

царём, а сам прежний царь в бывшие вышел, стариком остался.
А у Марпиды-царевны настала хорошая жизнь. Верно, и сейчас ещё царствует Иван, славно поживает со своей Марпидой-царицей.